ЛИНГВИСТИКА

О. В. Ханина

ПРАКТИКИ МНОГОЯЗЫЧИЯ В НИЗОВЬЯХ ЕНИСЕЯ: ОПЫТ СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ОПИСАНИЯ СИТУАЦИИ В ПРОШЛОМ¹

В статье дается анализ ситуации автохтонного многоязычия в северо-восточной части низовьев Енисея (п-ов. Таймыр) с 1930-х по 1970-е гг. Материалом исследования служат социолингвистические интервью автора, проведенные в 2017 г. с детьми и внуками тех представителей традиционных народов Таймыра, которые были взрослыми в рассматриваемый временной период. В качестве более общего контекста функционирования многоязычных практик подробно рассматривается этнолингвистическая история указанной территории в течение последних 200 лет, с особым вниманием к этническим миграциям, их причинам и их языковым последствиям. Описание контактов северно-самодийских народов – тундровых энцев, тундровых ненцев и нганасан – друг с другом включает в себя определение наборов местных языков, которыми они активно или пассивно владели, и контекстов их использования; также обсуждаются имевшие место изменения этих социолингвистических параметров в течение рассматриваемого периода. Отдельно анализируются лингвистические идеологии, характерные для этого региона, и их возможное влияние на социолингвистическую ситуацию и ее динамику. Показывается, что как социолингвистические ситуации, так и лингвистические идеологии, характерные для разных локализаций в низовьях Енисея, имеют много общего: во всех случаях все взрослые умели говорить на языке преобладающей этнической группы своего места проживания и большинство взрослых понимало остальные языки, используемые на их территории; в зависимости от особенностей личной биографии, многие также активно владели другими местными языками. При этом в семьях, независимо от их этнического состава, обычно использовался язык этнического большинства, родной же язык родителя был зарезервирован для общения с другими взрослыми, причем часто именно в ситуации коллективного общения – с гостями или в гостях, т.е. был ритуализированным языком общения взрослых. Методология проведенного исследования обсуждается в подробностях с надеждой на ее применение в будущем для других регионов Сибири.

Ключевые слова: *социолингвистика, этнолингвистика, история Сибири, многоязычие, языковые контакты, Таймыр, тундровые энцы, тундровые ненцы, нганасане, методология полевых исследований.*

Введение

Настоящая статья посвящена описанию ситуации автохтонного многоязычия в северо-восточной части низовьев Енисея (п-ов. Таймыр): речь идет о территории на левом берегу р. Енисей, ограниченной с запада р. Енисей, с юга так называемым Хатангским трактом и с востока бассейном р. Пясины (см. карту на рис. 1). Это традиционная земля тундровых энцев (=сомату или мадду), тундровых ненцев и нганасан – представителей северно-самодийских народов, языки которых близко родственны друг другу (северно-самодийские > самодийские > уральские). Лишь вскользь будут упоминаться долгане, носители тюркского языка, живущие на этой территории: их контакты с самодийскими народами были намного более спорадическими, чем контакты последних друг с другом.

На сегодняшний день людей, знающих несколько автохтонных языков, насчитывается в низовьях Енисея не больше десятка, однако в недавнем прошлом таковыми были большинство

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ 17-18-01649.

представителей местного населения – прежде всего благодаря распространенности смешанных браков, энецко-ненецких и энецко-нганасанских (см. также Siegl, 2013). Следовательно, обсуждение практик многоязычия низовьев Енисея будет относиться к прошлому: начиная с 1930-х гг. и заканчивая 1970-ми гг. Верхняя граница определяется объективно завершением активного использования местных языков и всеобщим переключением на русский язык: безусловно, сами местные языки продолжали использоваться представителями титульных этнических групп примерно до начала XXI в. (а в единичных случаях используются и сейчас), однако для общения с представителями других этнических групп отныне выбирался только русский язык, т.е. прервалось именно активное использование нескольких автохтонных языков одними и теми же людьми. Нижняя граница рассматриваемого временного периода задается использованной методологией, а именно социолингвистическими интервью с представителями старшего поколения ныне живущих тундровых энцев, тундровых ненцев и нганасан, посвященными языковому поведению их родителей и других старших родственников. Максимальная временная глубина, к которой относятся воспоминания опрошенных нами людей, – это 1930-е гг.

Рис. 1. Языки низовьев Енисея в 1940-х – 1960-х гг.: регион, рассматриваемый в данной статье, выделен черным контуром (карта из Khanina & Koryakov, 2019, русифицированная и отредактированная по цвету Ю. Б. Коряковым)

Данное исследование находится в рамках активно развивающегося сейчас направления социолингвистики: изучения многоязычия в небольших традиционных сообществах (small-scale multilingualism, см. программную статью (Lürke, 2016)), для которых характерно отсутствие иерархических социальных связей между разными этническими группами, входящими в эти локальные сообщества. Появляется все больше детальных описаний многоязычных практик в самых разных частях земного шара, однако Сибирь пока представлена в них крайне

скудно (см. однако, (Khanina & Meyerhoff, 2018), (Амелина, наст. выпуск), (Пупынина, Коряков, наст. выпуск)). При этом изучение ситуаций многоязычия в прошлом, очевидно, требует несколько иных методологий, разработка которых для различных регионов только начинается, см., например, (Добрушина, 2011; 2013; Dobrushina et al., 2018).

Наконец, представляется важным отметить, что настоящее описание является продолжением многолетних занятий автора энецким языком (см.: например, (Ханина, 2017; Ханина, Шлуинский, 2013, 2015, 2016; Khanina & Shluinsky, 2014). Это обстоятельство, с одной стороны, задавало саму рассматриваемую территорию: она полностью совпала с территорией распространения тундрового диалекта энецкого языка в 1930–1970-е гг. Действительно, тундровый диалект ненецкого языка и нганасанский язык использовались и за пределами этого региона как языки более многочисленных сообществ, т.е. именно тундровые энцы были наиболее многоязычными жителями низовьев Енисея. С другой стороны, это описание базируется на неоднократных экспедиционных визитах автора на Таймыр и близкое знакомство со структурной стороной всех рассматриваемых самодийских языков.

Дальнейшее изложение будет построено следующим образом: в Разд. 1 подробно обсуждается методология представляемого исследования, которая может быть применена и за пределами Таймыра; в Разд. 2 приводятся сведения по истории каждого из автохтонного этноса низовьев Енисея с XIX в. по 1970-е гг., необходимые в качестве контекста для социолингвистического описания данного региона; Разд. 3 и 4 посвящены распределению языков и языковым идеологиям, соответственно; наконец, в Заключение подводятся итоги и намечаются перспективы дальнейших изысканий в области многоязычия Таймыра.

1. Методология исследования

С одной стороны, в этнографической и лингвистической литературе имеется немало упоминаний о бытовавшем многоязычии тундровых энцев (широко распространенном, по мнению исследователей, и охватывавшем тундровый ненецкий в западной части рассматриваемого ареала и нганасанский в его восточной части, ср. (Долгих, 1949: 76; Васильев, Симченко, 1963: 16; Васильев, 1970: 161, 1985: 85; Терещенко, 1966: 438–439; Helinski, 1998: 480–481; Siegl, 2013)), а также тундровых ненцев и нганасан, живших непосредственно рядом с ними (распространенном в значительно меньшей степени, по мнению тех же исследователей, ср. (Долгих, 1949: 76; Терещенко, 1966: 438–439; Helinski, 1998: 480–481). Встречаются также указания на неполное владение какой-либо из сторон языка собеседника (все выделения курсивом наши): «Молодежь говорит на нганасанском и лишь *немного понимает* по-энецки» (о потомках смешанных энецко-нганасанских браков) (Васильев, Симченко, 1963: 16), «Родным языком энцев является энецкий язык, но довольно значительная часть из них говорит по-ненецки (хотя *в полной мере владеют* ненецким языком немногие) <...> Энцы Воронцовского сельсовета *понимают* язык нганасанов» (Терещенко, 1966: 438–439). Сообщения о том, какой язык выбирается в коммуникации между тундровыми энцами и ненцами противоречивы:

«Все энцы знают ненецкий, и он является разговорным языком между ними и ненцами» (Долгих, 1949: 76);

«Среди тундровых и лесных энцев Воронцовского сельсовета также получил распространение ненецкий язык, употребляющийся во многих энецких семьях наряду с энецким языком. В нескольких семьях (главным образом, из Мирных) ненецкий стал обыденным разговорным языком» (Васильев, 1970: 161);

«Языком межэтнического общения в Воронцовском сельсовете является ненецкий язык» (Васильев, 1985: 85);

Но,

«Характерно, однако, что в смешанных семьях основным бытовым языком является как правило энецкий» (Терещенко, 1966: 438–439).

Те же противоречия можно отметить относительно взаимодействия тундровых энцев и нганасан: если (Васильев, Симченко, 1963) однозначно считают, что выбирается нганасанский язык ввиду малочисленности энцев на востоке рассматриваемой территории, то (Helimski, 1998) говорит о двустороннем двуязычии тундровых энцев и нганасан в бассейне р. Пясины. Вполне вероятно, что (Васильев, Симченко, 1963) говорят о более позднем по времени периоде, чем (Helimski, 1998), но однозначно заключить этого из приводимой ими информации затруднительно.

С другой стороны, все эти характеристики многоязычных практик низовьев Енисея, приводимые в литературе, довольно фрагментарны и не складываются в единую картину, из которой стало бы ясно, кто с кем и когда на чем говорил, а также как ситуация менялась со временем в течение XX в. Скорее, они предоставляют важную отправную информацию для полноценного социолингвистического исследования, четко обозначая, что многоязычие в этом регионе, безусловно, было распространено, и что тундровые энцы были наиболее многоязычным этносом.

Исходя из этих предпосылок, мы провели летом 2017 г. серию полуструктурированных социолингвистических интервью с людьми тундрово-энецкого, нганасанского и тундрово-ненецкого происхождения, выросшими в поселках Воронцово, Усть-Авам и Волочанка и их окрестностях.² Целью этих интервью была реконструкция локальных социальных сетей и сообществ (social networks, communities of practice), в которые входили родители и другие старшие родственники респондентов, а также свойственных этим сетям языковых практик. Иначе говоря, мы расспрашивали наших собеседников о всех тех людях, с которыми регулярно общались их старшие родственники, и об обстоятельствах и языках этого общения.

В табл. 1 приводятся краткие сведения о всех тех людях, опрошенных в ходе этих интервью, которые имели отношение к рассматриваемой территории. Некоторый перевес в сторону респондентов-нганасан объясняется тем, что в силу разных обстоятельств это были люди, родственники которых много взаимодействовали с тундровыми энцами: например, жили в одном стойбище, или имели супругов-энцев, а значит, могли многое рассказать о бытовавших ранее многоязычных практиках. Наконец, благодаря нашим предыдущим экспедициям в п. Воронцово (в 2008 и 2010 гг.) мы имели большее представление о языковой ситуации в западной части рассматриваемого региона, в которой нганасане были в меньшинстве, и интервью 2017 г. ставили целью восполнить пробел в наших знаниях по восточной его части.

Полный список вопросов, ответы на которые собирались в ходе интервью, приводится в табл. 2: как можно увидеть, содержимое вопросов частично пересекалось, что позволяло, с одной стороны, верифицировать факты путем повторного спрашивания одной и той же информации в разных контекстах в разные моменты интервью, а с другой стороны, давало возможность второй попытки вопроса о чем-то, если первая по тем или иным причинам не удалась. Указанные информация собиралась нами про самого респондента и про каждого старшего родственника, которого он знал достаточно близко: родители, старшие сиблинги, бабушки и дедушки, сиблинги родителей, сиблинги бабушек и дедушек, супруг/супруга, родители и любые старшие родственники супруга/супруги, те, кем воспитывался респондент и т.д.

Стоит, однако, подчеркнуть, что большинство этих вопросов мы не задавали непосредственно респондентам, а скорее, имели их все в виду в ходе интервью. Иначе говоря, целью интервьюирования был сбор этой информации, и пункты табл. 2 использовались нами для направления разговора в нужное русло, поскольку в качестве основного метода работы был выбран не опрос по анкете, а, как уже указывалось, полуструктурированное интервью.

² Часть интервью была проведена с лесными энцами и их потомками, выросшими в п. Потапово, п. Усть-Порт и окрестностях, но они не рассматриваются в настоящей статье.

Таблица 1

Информация о респондентах, с которыми проводились интервью

	Год рождения	Место рождения	Этническая принадлежность родителей	Пол ³
1	1950	тундра около п. Усть-Авам	долг	м
2	1926	тундра около п. Усть-Авам	нган	ж
3	1938	тундра около п. Усть-Авам	нган	ж
4	1945	тундра около ф. Пайтурма	нган	ж
5	1945	тундра около п. Усть-Авам	нган	ж
6	1946	тундра около п. Волочанка	нган	ж
7	1946	тундра около п. Волочанка	нган	ж
8	1957	тундра около п. Усть-Авам	нган	ж
9	1959	тундра около п. Волочанка	нган	ж
10	1947	тундра около п. Воронцово	нен	ж
11	1947	тундра около п. Усть-Авам	отец: нган мать: эн	ж
12	1955	тундра около п. Усть-Авам	отец: нган мать: эн	ж
13	1968	п. Волочанка	отец: нган мать: эн	м
14	1969	тундра около п. Усть-Авам	отец: нган мать: эн-нган	ж
15	1952	п. Воронцово	отец: эн мать: нган	ж
16	1959	п. Усть-Авам	отец: нган мать: эн	ж
17	1958	п. Усть-Авам	отец: нган-эн мать: нен-нган	ж
18	1973	п. Волочанка	отец: нган-эн мать: нган	ж
19	1949	п. Воронцово	отец: нен мать: эн	ж
20	1967	п. Воронцово	отец: нен мать: эн	ж
21	1970	тундра около п. Усть-Авам	отец: нен-нган мать: нган-эн	ж
22	1947	тундра около п. Усть-Авам	отец: эвенк мать: долг	ж
23	1937	тундра около п. Воронцово	отец: эн мать: нен	ж
24	1964	тундра около п. Усть-Авам	отец: эн-долг мать: долг	м
25	1956	тундра около п. Воронцово	отец: эн-нен мать: нен	ж

Используемые сокращения: эн – тундровый энецкий, нган – нганасанский, нен – тундровый ненецкий, долг – долганский, эвенк – эвенкийский).

В ситуации начала исследования многоязычия в данном регионе нам показалось более эффективным выбрать свободную форму взаимодействия с респондентами, т.к. она предоставляла им большую возможность высказаться на тему языков и позволила в результате получить

³ Преобладание респондентов женского пола объясняется крайне высокой мужской смертностью в рассматриваемом регионе: у большинства опрошенных женщин мужа давно умерли. При проведении интервью нам встречались мужчины традиционных этносов Таймыра, рожденные между 1965 и 1975 гг., однако большинство из них могли крайне мало рассказать о своих старших родственниках.

данные, которые не могли быть предусмотрены заранее.⁴ Так, например, важность «гостей», которые регулярно приезжали и к которым регулярно ездили, не могла быть нами предвидена, однако именно через взаимодействие с гостями, как оказалось, усваивались третьи и четвертые языки старших родственников наших респондентов. Часть пунктов из табл. 2 была, тем самым, нами сформулирована уже постфактум, при анализе проведенных интервью, и сама табл. 2 оказывается методом не только сбора, но и анализа информации.

Таблица 2

**Информация, собираемая в социалингвистических интервью с целью выяснения
ретроспективной социалингвистической ситуации в низовьях Енисея**

	Краткое наименование вопроса	Подробная формулировка вопроса
1	Краткая биография 1 (Для каждого пункта краткой биографии восстанавливаются социальные сети эго – с кем жил, с кем дружил – и истории миграций с уточнением, где именно находились все упоминаемые места)	Дошкольное детство
2	Краткая биография 2	Школьный период
3	Краткая биография 3	Послешкольный период до брака или появления детей
4	Краткая биография 4	Период нахождения в браке, с незрелыми детьми
5	Краткая биография 5	Последний жизненный период, после того, как дети стали взрослыми
6	Языки респондента	Качественная оценка по каждому языку (отдельно способность понимать и способность говорить), умение писать/читать, отношение к каждому языку (на чем любит говорить, какой язык красивее и т.д.)
7	Контекст усвоения каждого языка	Когда и от кого, в каких ситуациях выучил язык
8	Коммуникативная сфера каждого языка	С кем на каком языке говорит или говорил (включая животных – олени, собаки, птицы и т.д.), с кем на каком языке никак нельзя или нельзя было говорить
9	Фольклор на каждом языке	Знание фольклора на каждом языке
10	Школа	Где находилась, интернат или нет, в каком году пошел респондент, на каких языках говорил до школы, какие языки усвоил в школе, откуда были дети в школе, на каких языках они говорили, отношение к языкам в школе
11	Этническая и языковая характеристика социального окружения	Какой этничности были люди там, где жил респондент, и на каких языках в каких ситуациях они говорили (для всех уровней – поселок, точка, стойбище, семья)
12	Отношение респондента к социальному окружению в зависимости от его этнической и языковой характеристики	Какое к каждому этносу и языку было отношение респондента в каждом месте из вопроса (11)? Что он считал нормальным – общение с кем на каком языке, браки/дружба с каким этносом?
13	Отношения в социальном окружении в зависимости от этнических и языковых характеристик	Какое, с точки зрения респондента, к каждому этносу и языку было отношение окружающих в каждом месте из вопроса (11)? Что считалось нормальным – общение с кем на каком языке, браки/дружба с каким этносом?
14	Гости к эго	Приезжали ли гости в детстве? Какой этнической принадлежности? На каких языках, с кем и когда они говорили?
15	Родители в гости	К кому ездили родители в гости в детстве респондента, брали ли его/ее с собой? Какой этнической принадлежности были эти люди? На каких языках, с кем и когда они говорили

⁴ Разумеется, из полусвободного характера интервью неизбежно следует неполное соответствие их друг другу: какая-то информация была получена для одного человека, но не получена для другого (см. более подробные обсуждения преимуществ и недостатков различных методов проведения социалингвистических интервью в (Wei & Moyer, 2008; Holmes & Hazen, 2014)).

Сами интервью проводились в г. Дудинка, п. Усть-Авам и п. Волочанка на русском языке и длились от двух до пяти часов (иногда с перерывами), в зависимости от разговорчивости и социолингвистической памяти респондентов. В результате была собрана информация о порядка сотне людей, представителей традиционных этнических групп Таймыра, родившихся в 1900–1930-х гг. и живших на правом берегу Енисея. Безусловно, это лишь часть реального населения Таймыра в 1930–1970-х гг., но представляется, что ее можно считать достаточно репрезентативной для целей социолингвистического описания, особенно ввиду общей малочисленности кочевых народов данной территории. Более того, настоящая статья представляет собой лишь первую попытку обобщения полученных данных, которые настолько богаты, что могут быть проанализированы с различных ракурсов, социолингвистических, этнографических, антропологических, исторических и т.д.

Наконец, укажем на то, что табл. 2 может быть использована в других исследованиях многоязычных ситуаций в Сибири, хотя, возможно, этнографически она может оказаться излишне специфицирована в сторону северных ее регионов. Как сформулировали (Di Carlo et al. forthcoming) при описании моделей многоязычия в Африке, «для понимания многоязычного поведения в сельской Африке необходимо знание особенностей конкретной ситуации, в которой происходит взаимодействие (т.е. контекст и участники), а также знания того, что было названо 'внеситуационным контекстом' (Goodwin and Duranti, 1992: 8), который в данном случае включает в себя местные модели социальной организации, культурных ценностей и языковых идеологий». Представляется, что пункты табл. 2 включают в себя некоторые элементы внеситуационного контекста Сибири, и тем самым могут быть успешно применены для исследования многоязычных регионов этой части света, хотя и не других регионов мира.

2. Историко-этнографическая справка

Особенность лингвистической ситуации низовьев Енисея – это, прежде всего, ее высокая динамичность: с конца XIX в. до середины XX в. на этой территории наблюдалось несколько миграций этнических групп, которые существенно влияли на использование языков. Данный обзор основывается, главным образом, на существующей этнографической литературе советского периода, однако подбор фактов и угол зрения определяются именно задачей современного социолингвистического описания. Помимо этого, ряд частных деталей, связанных с историко-этнографическим контекстом, были взяты из проведенных нами интервью.

На рубеже XIX и XX вв. этнические группы на рассматриваемой территории насчитывали несколько сотен человек каждая и представляли собой кочевые народы с транспортным оленеводством, главным занятием которых были охота и рыболовство (Долгих, 1960). Масштабное оленеводство было только у некоторых тундровых энцев (далее, «энцев»), некоторых нганасан и большинства тундровых ненцев (далее, «ненцев»)⁵ (Васильев, 1979). Это верно для второй половины XIX в., и нам неизвестны точные данные о наличии крупнотабунного оленеводства у энцев и нганасан ранее.

Как минимум с начала XVII в., а возможно и раньше, рассматриваемая территория, т.е. северо-восточная часть низовьев Енисея была населена и энцами, и нганасанами, см. рис. 2.

⁵ Лесные энцы и лесные ненцы в данной статье не упоминаются, т.к. они не имели отношения к данной территории. Была группа лесных энцев, которая в XIX в. смогла развить крупнотабунное оленеводство и начать кочевать по тем же маршрутам, что и тундровые энцы, – за несколько десятилетий они были полностью ассимилированы последними: к моменту переписи 1926 г. эти лесные энцы уже все говорили на тундровом энецком языке и имели ту же материальную культуру (см. подробнее Khanina et al., 2018). В данной работе эти ассимилированные тундровыми лесные энцы рассматриваются вместе с исконными тундровыми энцами.

Ненцы начали тут появляться только в начале XX в., причем до XIX в. не было их и непосредственно на левом берегу Енисея, а только лишь дальше на запад, вдали от Енисея (Васильев, 1979), см. также рис. 2. Енисей как граница между энцами и ненцами является довольно четкой и, насколько можно предположить из этого географического факта, языковые контакты вряд ли были регулярными до XX в. В конце XIX в. ненцы были на правой стороне Енисея только южнее Дудинки, см. (Патканов, 1912: 412–422), т.е. их еще не было на рассматриваемой территории. И только по переписи 1926 г. можно увидеть, наконец, заметную долю ненцев на северной части правого берега: 25% семей были записаны ненецкими, причем подавляющее большинство этих ненцев были выходцами с не-прибрежных земель левого берега («обдорские ненцы»), а не с прибрежных левого же или более южных территорий правого берега («береговые ненцы»). Мужчины-ненцы начали появляться на правом берегу с начала XX в.: они нанимались пастухами к богатым энцам и впоследствии женились на тундровых энках и продолжали кочевать с их родственниками. По данным той же переписи 1926 г., нганасане составляли 8,8% всех семей этого региона, а долгане – 12% (Васильев, 1970: 108–110).

Дополним теперь эту историко-географическую информацию о самом факте соседства трех этнических групп на правом берегу Енисея этнографическими подробностями.

В XVII в. отчеты сборщиков ясака упоминают как мирные взаимодействия, так и мелкие военные столкновения между энцами и нганасанами на рассматриваемой территории; впрочем, в этот период военные стычки внутри каждого этнического сообщества также были не единичны (Долгих, 1960: 135). Как минимум для середины XIX в., а возможно, и раньше, уже есть сведения о регулярных мирных контактах и о межэтнических браках западной части нганасан и энцев (Долгих, 1962а): часть пастбищ, рыболовных и охотничьих угодий уже была общей у этих двух этнических групп, энецкие и нганасанские семьи нередко вставали одним стойбищем. (Васильев, 1985) сообщает об упомянутых в архивах межэтнических браках: 20 энецких мужчин были женаты на нганасанках и 14 нганасанских мужчин были женаты на энках. К началу XX в. материальные культуры энцев и нганасан (одежда, оленеводческие принадлежности, жилище) были полностью идентичны (Долгих, 1949). Во время переписи 1926 г., 23% (16 человек из 70) авамских нганасан⁶ были женаты на энках, а 20% (13 человек из 64) энцев были женаты на нганасанках (Долгих, 1962а); семьи в этот момент были патрилокальными. Причем кроме энцев нганасане не вступали в браки ни с одним другим этносом. В местном русском языке нганасане и тундровые энцы назывались одним словом *самоеды/самоди* (Долгих, 1961, 1962б), одно название у них и по-долгански – *хамый* (полевые данные), ср. *hāmaj* ‘нганасанин’ в долганском словаре (Stachowski, 1993: 99).

Что касается идеологической стороны географии, то в XIX в. – начале XX в. самый берег Енисея считался энецким, а дальше на восток до рек Пура и Агапа – была земля, считавшаяся и энецкой, и нганасанской, а за ними, вплоть до р. Пясины и ее восточных притоков, была земля, считавшаяся нганасанской (см. рис. 3). При этом смешанные энецко-нганасанские семьи жили на всех этих трех участках, но в основном, патрилокально, т.е. этническая принадлежность мужа была решающей для определения мест кочевков семьи.

Именно на эту восточную нганасанскую землю часть энцев откочевала в 1920–1940-х гг. – на самый край рассматриваемой территории, где до этого практически не жили мужчины-энцы, см. рис. 1. Это было связано, с одной стороны, с более ранней и активной советизацией при-енисейского региона (коллективизацией и преследованием шаманов) по сравнению с внутренним Таймыром, а с другой стороны – с ненецкой экспансией на правый берег. Наши респонденты, потомки энцев, откочевавших на нганасанскую территорию, вспоминают, что родители говорили о том, что они ушли из-за того, что их «ненцы обижали».

⁶ Все нганасане делятся на авамских (= западных) и вадеевских (=восточных), только первые соседствовали с энцами, вторые жили в бассейне р. Хатанга на востоке Таймыра.

Рис. 2. Языки низовьев Енисея в начале XVII в.
(карта из Khanina et al., 2018)

Рис. 3. Языки низовьев Енисея в первой трети XX в.
(карта из Khanina & Koryakov, 2019, русифицированная
и отредактированная по цвету Ю. Б. Коряковым)

Необходимо, однако, упомянуть тот факт, что правобережные ненцы были в целом более бедными до революции, чем энцы, они часто работали батраками у богатых оленеводов-энцев, поэтому при создании первых колхозов на правом берегу Енисея большинство их участников были именно ненцы, а не энцы (Долгих, 1949). Возможно, усилия коллективизаторов были для энцев персонифицированы в ненцах – так, что оба этих неблагополучных фактора, советизация и ненецкая экспансия, по сути совпали в одном. Наконец, в 1930-х гг. было несколько лет «голода», т.е. сезонов с крайне неудачной охотой, и нганасанские земли с их лесотундрой, по сравнению с чистой тундрой побережья Енисея, могли предоставить больше средств пропитания в таком случае. Эта причина энецкой миграции на восток тоже упоминается нашими респондентами. В целом, большинство откочевавших энцев имели родственников, по крови или через супругу, среди нганасан: представляется, что среди тех энцев, что остались в районе п. Воронцово, большинство, наоборот, не имели родственников среди нганасан⁷. Так или иначе, после этой волны миграции, нганасане постепенно перестали осуществлять сезонные кочевки на побережье Енисея, т.е. их контакты с оставшимися там энцами прекратились – окончательно к 1960-м гг. ((Васильев, 1985: 86) пишет, что нганасане перестали прикочевывать в приенисейскую тундру в 1930-х гг.)⁸.

Что касается взаимодействия ненцев и энцев, то с появлением первых на правом берегу в начале XX в., энецко-ненецкие браки стали обыденностью: по данным переписи 1926 г., 27% (17 человек из 64) энцев были женаты на ненках и 27% (10 человек из 37) правобережных ненцев были женаты на энках. Нганасане и ненцы не вступали друг с другом в браки в досоветский период. При этом случаи увоза энецкого супруга или супруги на ненецкую территорию на левом берегу нам неизвестны, т.е. в независимости от пола представителя ненецкого этноса, его семья с представителем энецкого этноса жила на правом берегу, т.е. на энецкой территории. Эта ситуация параллельна той, что наблюдалась после энецкой волны миграции в 1920–1940-х гг. к нганасанам: аналогичным образом, в том случае все новообразованные энецко-нганасанские семьи стали жить на нганасанской территории, и в случае энок-жен, и в случае энцев-мужей. Однако, значимое различие этих ситуаций состоит в том, что миграция энцев на нганасанские земли была недолгой, с 1920-х по 1940-е гг., в то время как ненецкая миграция на правый берег продолжалась с 1900-х гг. по 1970-х гг. (до тех пор, пока на правом берегу сохранялось оленеводство). Тем самым, во весь рассматриваемый в данной статье период с 1930-х по 1970-е гг. имел место постоянный приток новых ненцев с запада.

Единичные межэтнические браки между долганскими мужчинами и энецкими и ненецкими женщинами фиксируются с начала XX в. (Долгих, 1962а: 203): по переписи 1926 г. 3% (2 человека из 64) энецких мужчин и 3% (1 человек из 37) ненецких мужчин были женаты на долганках. Долгане появились на этой территории с востока, и это всегда были лишь индивидуальные истории нескольких семей, а не массовая миграция. С началом перехода на оседлость, большинство долган стало жить в п. Сопочная карга (или Сопкарга), где также жили почти все имевшиеся в регионе русские (там располагалась радиоточка), в то время как энцы и ненцы жили во всех остальных поселках, точках и станках вдоль побережья. Иначе говоря, с долганам никогда не было регулярных продолжительных контактов, за исключением тех семей, где были долганские супруги, да и те во всех случаях были затем ассимилированы ненцами и энцами.⁹

⁷ В. И. Васильев (Васильев, 1985: 86) упоминает несколько пожилых жен-нганасанок у энецких мужчин в районе п. Воронцово в конце 1970-х – начале 1980-х гг., но наши респонденты никаких нганасанских женщин в Воронцово для этого времени не вспоминают.

⁸ Отметим, что нам известен только один случай обратной миграции: в конце 1940-х гг. мужчина-энец вернулся со своей нганасанской женой обратно в район п. Воронцово, где жена его вскоре умерла.

⁹ Современные потомки тех смешанных семей считают себя ненцами и говорят по-ненецки, хотя и помнят о своем долганском происхождении (полевые данные Марии Амелиной).

Если говорить о самом востоке рассматриваемой территории, традиционных землях нганасан, то там появлялись лишь единичные ненцы. Во-первых, это были сказители и шаманы, которые могли кочевать по довольно обширным маршрутам и зарабатывать себе таким образом на хлеб. Наши респонденты-нганасане упоминают таких заезжих ненцев, см. также (Добжанская, 2009). Во-вторых, один богатый ненецкий шаман-оленовод после смерти своей ненецкой жены на правом берегу Енисея женился на нганасанке, семья которой кочевала вместе с ними, и во время массовой миграции энцев в нганасанские земли, в 1930-х гг., спасаясь от советской власти, перекочевал на восток со своей новой женой и сыном-ненцем от первой жены. Так, в том регионе появились двое ненецких мужчин, оставивших многочисленное потомство. Наконец, что касается долгано-нганасанских контактов, они были регулярными на юге нганасанской территории, где она пересекалась с долганской, но даже и там – совсем не тесными: каждый этнос держался в стороне от другого и до 1970-х гг. смешанных долгано-нганасанских браков практически не было, хотя их стойбища могли располагаться неподалеку друг от друга.

Коллективизация, в этой части Таймыра начавшаяся в самом конце 1920-х гг. и завершившаяся к концу 1940-х гг., ощутимо изменила уклад жизни местного населения, в том числе в том, что касалось взаимодействия разных этнических групп друг с другом. Так, например, уже упоминалась ситуация на побережье Енисея в районе п. Воронцово, где более бедные ненцы с большей охотой вступали в колхоз, чем оленеводы-энцы, и в соответствии с советской политикой преследовали последних за невступление, что приводило к конфликтам между этими двумя этническими группами, ранее не существовавшим. Аналогичным образом коллективизация была одной из причин уже упомянутой миграции группы энцев к нганасанам. Еще более значимыми в этом смысле событиями оказались принудительный перевод на оседлость в 1950-х гг. и укрупнение населенных пунктов: в результате непосредственными соседями в новоукрупненных поселках оказались бывшие кочевые оленеводы, рыболовы и охотники, которые традиционно имели минимальные контакты друг с другом. Это касается и пар нганасане – долгане, энцы – долгане, и пары восточные нганасане, которые раньше не пересекались с энцами ни на общих землях, ни за счет смешанных браков, – энцы, мигрировавшие на нганасанские земли.

3. Языки и их распределение

Итак, в 1930-х – 1970-х гг. на рассматриваемой территории были две локализации с разными социолингвистическими ситуациями, и некоторая переходная зона между ними: значимая в начале этого периода и практически ненаселенная к его концу (ср. рис. 1 и 3). Речь идет, с одной стороны, об окрестностях п. Воронцово, и с другой стороны – об окрестностях п. Усть-Авам.

В первом месте, воронцовской тундре, в 1930-х гг. очевидно преобладали энцы (ок. 330 человек), постоянно проживала значительная доля ненцев (ок. 150 человек) и меньшая доля – нганасан (ок. 50 человек). Подчеркнем, что эти цифры, взятые из (Долгих, 1949)¹⁰, включают только тех людей, которые постоянно проживали на этой территории, и не включают тех, которые появлялись на ней лишь сезонно: например, нганасан, рыбачивших летом на востоке энецких земель. Самый частотный языковой репертуар жителей окрестностей

¹⁰ Здесь и далее из цитируемых источников не очень понятно, откуда берется информация об этнической принадлежности конкретных людей: из административных документов поселка или из опросов его жителей этнографами, авторами статей. Если во втором случае речь, очевидно, идет об этнической самоидентификации, то первый проанализировать сложнее – это может быть и более ранняя регистрация этнической самоидентификации жителей, осуществленная непосредственно администрацией, и произвольная идентификация жителей работниками администрации на основе собственных соображений последней.

п. Воронцово на этот момент был «энецкий + ненецкий» (для людей с энецкой или ненецкой этнической самоидентификацией) или «энецкий + нганасанский» (для людей с энецкой или нганасанской этнической самоидентификацией); чуть меньше было людей, которые могли свободно говорить на энецком, ненецком и нганасанском – среди них были и энцы, и ненцы, и нганасане. Представляется, что в 1930-е гг. монолингвов на этой территории не было в принципе; если они и были, то их единственным языком был, безусловно, энецкий. (Siegl, 2013b: 16) утверждает, что ненцы обычно не выучивали энецкий язык (ни в лесном, ни в тундровом варианте), однако это напрямую противоречит данным наших интервью для тундровых энцев в районе п. Воронцово на начало рассматриваемого временного периода. По всей видимости, обобщение Ф. Сигля относится к более поздней ситуации, когда ненцы стали преобладающей этнической группой в п. Воронцово, но никак не к началу XX в., когда они только начали появляться на правом берегу Енисея.

Действительно, к 1960-м гг., концу рассматриваемого периода, этнический состав п. Воронцово и окрестностей поменялся: по данным (Васильев, Туголуков, 1960; Васильев, 1970) теперь стали превалировать ненцы (ок. 200 человек), число энцев уменьшилось более, чем в два раза (ок. 160 человек), а нганасан осталось ок. 5 человек (см. описание причин этих этнических трансформаций в разд. 2). Изменились и представленные языковые репертуары: по-прежнему, больше всего было людей, которые могли говорить и по-энецки, и по-ненецки (с той же этнической самоидентификацией, что и прежде, – энцы или ненцы, или же потомки энецко-ненецких браков), однако значительная доля людей, особенно молодых, уже говорили только на ненецком языке (этнически это были только ненцы или потомки смешанных энецко-ненецких браков); людей, знающих, помимо энецкого и ненецкого, нганасанский, остались единицы.¹¹ В любом случае, людей, не говоривших на ненецком языке, на этой территории в 1960-х гг. не было: т.е. теперь ненецкий, а не энецкий стал доминирующим языком региона. По всей видимости, именно это изменение в доминирующем языке – энецкий в 1930-х гг., но ненецкий к 1960-м гг. – и является причиной противоречивых сведений об энецко-ненецком двуязычии, приводимых в литературе (см. разд. 1).

Для авамской тундры у нас есть численные данные только по 1960-м гг. (Васильев, Туголуков, 1960; Васильев, 1970): из самодийских народов больше всего там проживало, естественно, нганасан (ок. 230 человек), затем было небольшое количество энцев (ок. 35 человек) и единицы ненцев (ок. 5 человек).¹² Обращает на себя внимание, что в п. Воронцово с 1930-х гг. по 1960-е гг. энцев стало на 170 человек меньше, в то время как в п. Усть-Авам, куда произошла описанная выше миграция, их насчитывалось к 1960-м гг. только 35 человек. Нам неизвестно ничего о массовой гибели энцев в эти годы, что позволяет предположить, особенно приняв во внимание этнолингвистические процессы этих лет, что дело в стремительно возросшей доли смешанных браков. По всей видимости, дети, рожденные в таких браках, нередко переставали считаться энцами даже при наличии отца-энца, а ассоциировали себя этнически с численно преобладающим народом (ненцами в п. Воронцово и нганасанами в п. Усть-Авам). К вопросу об особенностях этнической самоидентификации мы вернемся в следующем разделе, а пока опишем языковые репертуары авамской тундры. Большинство людей могли свободно говорить только на нганасанском (этнически это были чистые нганасане), также было заметное количество людей, говоривших на нганасанском и на энецком (среди них были как нганасане,

¹¹ Примерно в то же время, начиная с конца 1940-х гг., начало активно распространяться знание русского языка, см. подробнее (Khanina, forthcoming), но в настоящей статье мы ограничиваемся рассмотрением практик многоязычия, связанных с равноправными местными языками, оставляя в стороне использование очевидно доминантного русского языка.

¹² Как упоминалось выше, долгане, проживающие на этой территории, не рассматриваются подробно в настоящей работе.

так и энцы, а также потомки смешанных энецко-нганасанских браков), небольшая доля жителей активно владела нганасанским, энецким и ненецким (этнические энцы, нганасане, ненцы и потомки смешанных браков). Как показывают данные проведенных интервью, набор и соотношение языковых репертуаров в авамской тундре практически не менялись в течение рассматриваемого периода.

Однако помимо активного дву- или трехязычия в воронцовской и авамской тундрах было крайне распространено пассивное знание других языков. Для анализа сложившейся социолингвистической ситуации необходимо прокомментировать степень похожести тех трех самодийских языков, носители которых контактировали на рассматриваемой территории. Поскольку все они принадлежат одной языковой семье и представляют, скорее всего, результат распада когда-то существовавшего диалектного континуума (см., например, Хелимский, 1982: 30, 46), то между всеми ними возможно было некоторое взаимопонимание. Различались, однако, условия, при которых оно могло возникать, и его степень. Так, количество различий между ненецким и энецким напоминает пару русский-польский или немецкий-голландский, что означает, что при наличии регулярных ситуаций общения, пусть даже и довольно редких (например, несколько раз в год), у людей могли появиться навыки взаимного понимания. В случае совместного кочевания или супружества, они появлялись неизбежно. Энецкий и нганасанский различаются существенно больше и, проводя ту же аналогию, напоминают пары русский-болгарский или немецкий-норвежский: взаимопонимание, особенно в конвенциализированных контекстах, безусловно, возникало, но требовало более длительного периода сосуществования. Наконец, что касается различий между ненецким и нганасанским, то они, с одной стороны, являются наибольшими, похожими на различия между русским и латышским или английским и норвежским, а с другой стороны, как становится понятно из приведенной выше историко-этнографической справки, реальных случаев хоть сколько-то длительного сосуществования их носителей было слишком мало для каких бы то ни было обобщенных выводов.

Наличие возможности понимания между рассматриваемыми языками приводила к нередко упоминавшейся нашими респондентами ситуации общения, в которой каждый собеседник говорил на своем языке. Такие, обычно непродолжительные, разговоры описываются как потомками смешанных семей в случае их родителей (имеются в виду и пары энцы-ненцы, и пары энцы-нганасане), так и людьми, выросшими в п. Воронцово, в случае разговоров на улице в поселке. *«Если он с ней всю жизнь прожил / она с ним всю жизнь прожила, как понимать не будет?!»* – типичный ответ респондентов на вопрос о том, понимал ли не-энецкий супруг энецкий язык. Аналогично, *«Если всю жизнь рядом с ненцами/энцами жил(а), как понимать не будет?!»* – как частотный ответ на вопрос о том, понимал ли старший родственник тот или иной язык.¹³

4. Многоязычие в низовьях Енисея и локальные языковые идеологии

Представленные выше наборы языковых репертуаров и их динамика в воронцовской и авамской тундре, а также описанный в (Амелина, наст. выпуск) переход на ненецкий, энецких и долганских семей в тухардской тундре на левом берегу Енисея позволяют сделать следующее важное обобщение о функционировании этих многоязычных сообществ: во всех случаях все взрослые умели говорить на языке преобладающей этнической группы своего места проживания. Речь идет об энецком языке в воронцовской тундре 1930-х гг., нганасанском языке в авамской тундре в 1930–1970-х гг. и ненецком языке в п. Воронцово в 1960–1970-х гг. и в

¹³ Заметим, между тем, что наличие такого как минимум базового понимания делает проблематичным для исследователя получение информации о более продвинутых уровнях владения языком – промежуточных между способностью только понимать и способностью полноценно говорить.

тухардской тундре 1960–1970-х гг. При этом большинство взрослых также понимало все остальные языки, используемые на их территории. На уровне конкретных людей наборы возможных языковых репертуаров, особенно при различении активного (=говорить) и пассивного (=понимать) владения языками, были довольно разнообразными и определялись особенностями индивидуальной биографии. Так, те, кто имел более плотные контакты с представителями менее многочисленных этнических групп региона, благодаря собственному браку или браку близкого родственника, соседям по стойбищу или по поселку, или благодаря каким-то другим, более редким, причинам, активно владели их языками. При отсутствии частых контактов с представителями менее многочисленных этнических групп региона, люди обычно только пассивно овладевали их языками. Принципиально, однако, что до 1960-х гг. среди самодийских народов Таймыра не было никаких универсальных языков межэтнического общения, или *lingua franca*: ни русский язык, ни пиджин говорка на его основе не использовались для этой цели.¹⁴

Помимо обобщения о повсеместном владении языком этнического большинства, для всех рассматриваемых локализаций верно также обобщение об использовании языков в семьях. С супругом/супругой и детьми во всех случаях, о которых нам стало известно из проведенных интервью, использовался язык этнического большинства, родной же язык человека (т.е. тот, на котором он разговаривал с собственными родителями с детства) был зарезервирован для общения с другими взрослыми, им владеющими, причем часто именно в ситуации коллективного общения – с гостями или в гостях.¹⁵ Нередко супруг/супруга это тоже могли говорить на ее/его языке, однако этот навык использовался только при наличии других взрослых с этим языком как родным. Иначе говоря, языки этнических меньшинств и в воронцовской, и авамской тундре были языками ритуализированного общения взрослых: «собирались по-своему поговорить» повторяется как формула из интервью в интервью. Ровно о таком же феномене «тайного языка» взрослых сообщает (Амелина, наст. выпуск) для тухардской тундры на левом берегу Енисея. Те наши респонденты 1940–1960-х г.р., что смогли усвоить хоть в какой-то степени родной язык одного из своих родителей, представителя этнического меньшинства, обычно называют какого-нибудь родственника на одно поколение старше – дедушку, бабушку, двоюродную тетю или двоюродного дядю, и т.д. – как основного человека, который говорил с ними на этом языке, но никогда не родителей. По всей видимости, это можно объяснить тем, что родители ставили своей целью передать своим детям важный практический навык – активное владение языком большинства, – в то время как пожилые люди могли позволить себе общение с родственными им детьми «для собственного удовольствия», которое выражалось в использовании родного для них языка.

Наконец, отметим, что изменения в этническом составе п. Воронцово и окрестностей, произошедшие в рассматриваемый период, привели к изменениям в практиках использования местных языков: при том, что набор возможных языков остался прежним, активное владение энецким сменилось на активное владение ненецким – именно из-за переворота в количественном соотношении энцев и ненцев.¹⁶

¹⁴ Последний использовался при взаимодействии самоедоязычных людей с долганами или эвенками, см. подробнее (Гусев, 2013; Урманчиева, 2010; Stern, 2005, 2012; Khanina & Meyerhoff, 2018).

¹⁵ Возможно, исключением из этого наблюдения являются чисто ненецкие семьи в воронцовской тундре 1930-х гг., которые могли сохранять ненецкий язык для общения внутри семьи. Таких семей были единицы, и их потомки не представлены среди наших респондентов, так что этот вопрос остается пока открытым.

¹⁶ Похожая динамика наблюдалась и выше по течению Енисея, в п. Потапово и его окрестностях, для пары лесной энецкий – ненецкий: при постепенном изменении численно преобладающей этнической группы с энецкой на ненецкую в течение XX в. ненецкий занимал все более сильные позиции. В этом случае, однако, массовый переход на русский язык в 1970-х гг. не дал завершиться этому процессу.

Язык большинства, в отличие от языка родителей, как главный фактор, определяющий языковой репертуар членов локального географического сообщества, кажется довольно неожиданным для ситуации малых народов, ведущий традиционный образ жизни. Представляется, что объяснение этому факту находится в плоскости языковых идеологий, распространенных на Таймыре. Данные интервью показывают, что, когда современные респонденты говорят о владении каким-то языком или его использовании, они апеллируют исключительно к функциональным категориям, и никогда не к символическим или эмоциональным. Другими словами, они комментируют языковые практики своих старших родственников, используя понятия «удобно», «чтобы поняли», «чтобы объяснить», а не «родной язык», «язык предков», «для души» и т.д. Более того, не только язык, но и этническая идентичность выступает в их речи как функциональное понятие: этническая принадлежность человека может меняться в течение жизни, если он меняет свое место жительства и оказывается в окружении представителей другого этноса. «Вот эти энцы, которые стали нганасанами, могли и по-энецки, и по-нганасански говорить», «Вот из-за первого мужа-энца маму и считали энкой» – реальные фразы из проведенных нами интервью.

Отметим, однако, что не до конца ясно, насколько полностью люди, рожденные в 1900–1930-х гг. и языковые практики которых описываются в настоящей статье, разделяли это отношение к языкам и этносам, свойственное их детям – нашим респондентам, и не наблюдаем ли мы здесь недавнее явление, не свойственное народам низовьев Енисея в прошлом. Именно старшее поколение ныне живущих представителей традиционных народов Таймыра перешло на русский язык как основное средство общения, в том числе со своими детьми в моноэтнических семьях: таким образом, наблюдаемая у них нейтральность в оценке смены языка и этнической принадлежности на более удобные может оказаться механизмом психологической самозащиты, а не продолжением лингвистических идеологий, характерных для этого региона в прошлом. С другой стороны, в работе (Khanina & Meyerhoff, 2018) на материале нарративов, собранных Б. О. Долгих в 1930-х гг., было показано, что в случае коммуникации между энцами и нганасанами в конце XIX в. – начале XX в. выбор языка не имел никакой особенной социальной или социолингвистической нагрузки, а значит нейтральность современных респондентов, потомков энцев и нганасан из авамской тундры, имеет более глубокие корни. Возможно, степень этой нейтральности у них преувеличена, но само ее наличие, видимо, насчитывает как минимум сотню лет, а то и больше.

Заключение

Итак, в настоящей статье мы проанализировали этнолингвистическую ситуацию в низовьях Енисея, начиная с XIX в. по 1970-е гг.: данные из этнографической литературы для этой территории были собраны воедино и рассмотрены с точки зрения их социолингвистической релевантности. Более подробно был прокомментирован период 1930–1970-е гг., для которого была, помимо этого, восстановлена социолингвистическая ситуация на материале проведенных в 2017 г. интервью с детьми и внуками представителей традиционных народов Таймыра: был описан набор языков, которыми владели люди, жившие на данной территории в данный период времени, и контекстов их использования. Далее было предложено объяснение наблюдаемому распределению языков, включая динамику его изменения, при помощи обращения к лингвистическим идеологиям. Оказалось, что как социолингвистические ситуации, так и лингвистические идеологии, характерные для разных локализаций на Таймыре, имеют много общего: не будет преувеличением утверждать наличие специфичных для данного региона практик многоязычия. Надеемся, в будущем нам удастся выяснить, характерны ли эти практики для других регионов Сибири – прежде всего, для непосредственно соседних с Таймыром.

Наконец, мы ставили своей задачей привлечь внимание научной общественности к изучению социолингвистических особенностей традиционных сообществ Сибири и предложить методологический аппарат для описания социолингвистических ситуаций в прошлом.

Список литературы:

- Амелина М.** (наст. выпуск). «Большой переход на ненецкий»: реконструкция социолингвистической ситуации в Тухардской тундре (Таймырский Долгано-Ненецкий район) по данным языковых биографий // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. – 2018.
- Васильев В. И.** Ненцы и энцы Таймырского национального округа // Преобразования в хозяйстве и культуре и этнические процессы у народов Севера. – М.: Наука, 1970. – С. 108–163.
- Васильев В. И.** Проблемы формирования северо-самодийских народностей. – М.: Наука, 1979.
- Васильев В. И.** Особенности развития этнических и языковых процессов в этноконтактных зонах Европейского Севера и Северной Сибири (по материалам этнографического обследования северосамодийских народов: ненцев, энцев и нганасан) // Этнокультурные процессы у народов Сибири и Севера. – М.: Наука, 1985. – С. 65–93.
- Васильев В. И., Симченко Ю. В.** Современное самодийское население Таймыра // Советская этнография. – 1963. – № 3. – С. 9–20.
- Васильев В. И., Туголуков В. А.** Этнографические исследования на Таймыре в 1959 году // Советская этнография. – 1960. – № 5. – С. 128–141.
- Гусев В. Ю.** История говорки (русского таймырского пиджина) по лингвистическим данным // Русский язык в научном освещении. – 2013. – № 1(25). – С. 135–157.
- Добжанская О. Э.** Музыка шаманского обряда как языковая система // Урало-алтайские исследования. – 2009. – № 1(4). – С. 31–42.
- Долгих Б. О.** Колхоз имени Кирова Таймырского национального округа // Советская этнография. – 1949. – № 4. – С. 87–93.
- Долгих Б. О.** Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. – М.: Изд-во АН СССР, 1960.
- Долгих Б. О.** Мифологические сказки и исторические предания энцев. – М.: Изд-во АН СССР, 1961.
- Долгих Б. О.** Родовая экзогамия у нганасан и энцев // Сибирский этнографический сборник. – IV: Очерки по истории, хозяйству и быту народов Севера. – М.: Изд-во АН СССР, 1962а. – С. 197–225.
- Долгих Б. О.** Бытовые рассказы энцев. – М.: Изд-во АН СССР, 1962б.
- Добрушина Н. Р.** Многоязычие в Дагестане конца XIX – начала XXI века: попытка количественной оценки // Вопросы языкознания. – 2011. – № 4. – С. 61–80.
- Патканов С. К.** Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири, язык и роды инородцев. – Т. II. – Санкт-Петербург, 1912.
- Пупынина М. Ю., Коряков Ю. Б.** (наст. выпуск). География многоязычия народов колымско-алазейской тундры в конце XIX – начале XX века. // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. – 2018.
- Терещенко Н. М.** Энецкий язык // Языки народов СССР. Т. III. Финно-угорские и самодийские языки. – М.: Наука, 1966. – С. 438–457.
- Урманчиева А. Ю.** Говорка: пример структурно-смешанного языка // Arto Mustajoki, Ekaterina Protassova & Nikolai Vakhtin (eds.). Instrumentarium of linguistics: Sociolinguistic approaches to non-standard Russian (Slavica Helsingiensia 40). – Helsinki: University of Helsinki, 2010. – P. 188–209.
- Ханина О. В.** Возможности цифровых технологий: описание аллофонов передних гласных, гортанного смычного и объектного согласования глагола в энецком языке // Урало-алтайские исследования. – 2017. – № 3 (26). – С. 186–207.
- Ханина О. В., Шлуинский А. Б.** Ядерные падежи существительных в энецком языке: в поисках адекватного описания / Агранат Т. Б., Казакевич О. А., Кашкин Е. В. (сост.), Кибрик А. Е. (общ. ред.). Лингвистический беспредел – 2. Сборник научных трудов к юбилею А. И. Кузнецовой. – М.: Изд-во МГУ, 2013. – С. 76–94.
- Ханина О. В., Шлуинский А. Б.** Императивные формы в энецком языке // Acta Linguistica Petropolitana (Труды института лингвистических исследований РАН). – 2015. – XI-2: Языковое разнообразие в Российской Федерации. С. 610–626.
- Ханина О. В., Шлуинский А. Б.** Энецкий перфект: дискурсивные употребления у эвиденциально-адмиративного перфекта. // Acta Linguistica Petropolitana (Труды института лингвистических исследований РАН). – 2016. – XII-2: (Исследования по теории грамматики. Вып. 7: Типология перфекта / Отв. ред. Т. А. Майсак, В. А. Плунгян, Кс. П. Семёнова). – С. 425–474.

- Хелимский Е. А.** Древнейшие венгерско-самодийские языковые параллели (Лингвистическая и этногенетическая интерпретация). – М.: Наука, 1982.
- Di Carlo Pierpaolo, Jeff Good & Rachel Ojong Diba** (forthcoming). Multilingualism in Rural Africa. To appear in Oxford Research Encyclopedia of Linguistics.
- Dobrushina Nina, Kozhukhar Aleksandra, Moroz George.** Gendered multilingualism in highland Daghestan: story of a loss. *Journal of Multilingual and Multicultural Development*. – 2018. URL: <https://www.tandfonline.com/eprint/s4F9QHfCBBpwUiGWDtFm/full>.
- Dobrushina Nina.** How to study multilingualism of the past: Investigating traditional contact situations in Daghestan // *Journal of Sociolinguistics*. – 2013. – Vol. 17(3). – P. 376–393.
- Goodwin Charles and Alessandro Duranti.** Rethinking context: An introduction. In Alessandro Duranti and Charles Goodwin (eds.), *Rethinking context: Language as an interactive phenomenon*, 1–42. – Cambridge: CUP, 1992.
- Helimski Eugene.** Nganasan // Daniel Abondolo (ed.). *The Uralic languages*. – London and New York: Routledge, 1998.
- Holmes Janet & Kirk Hazen (eds.).** *Research Methods in Sociolinguistics: A Practical Guide*. – Oxford: Wiley Blackwell, 2014.
- Khanina Olesya & Koryakov Yuri.** Mapping the Enets speaking people and their languages // Drude, Sebastian, Nicholas Ostler & Marielle Moser (eds.). *Endangered Languages and the Land: Mapping Landscapes of Multilingualism* (Proceedings of the Conference of the Foundation for Endangered Languages 22). – London, Reykjavik: EL-Publishing. 2019. – URL: <http://elpublishing.org>.
- Khanina Olesya & Meyerhoff Miriam.** A case-study in historical sociolinguistics beyond Europe: reconstructing patterns of multilingualism in a linguistic community in Siberia // *Journal of Historical Sociolinguistics*. – 2018. – Vol. 4(2). – P. 221–251.
- Khanina Olesya & Shluinsky Andrey.** A rare type of benefactive construction: Evidence from Enets // *Linguistics*. – 2014. – Vol. 52-6. – P. 1391–1431.
- Khanina Olesya, Koryakov Yuri & Shluinsky Andrey.** Enets in space and time: a case-study in linguistic geography // *Finnisch-Ugrische Mitteilungen*. – 2018.
- Khanina Olesya.** (forthcoming). Enets – Russian language contact // *Language contact in the territory of the former Soviet Union*, ed. by Lenore Grenoble & Diana Forker. – Amsterdam: Benjamins.
- Lüpke Friederike.** Uncovering Small-Scale Multilingualism // *Critical Multilingualism Studies*. – 2016. – Vol. (4)2. – P. 35–74.
- Siegl Florian.** The Sociolinguistic status quo on the Taimyr Peninsula // *Études finno-ougriennes* [online], 45 (Les langues finno-ougriennes aujourd'hui II). – 2013. – URL: <http://efo.revues.org/2472>
- Stachowski Marek.** *Lexica Dolganica // Dolganischer Wortschatz*. – Krakow: Nakładem Uniwersytetu Jagiellońskiego, 1993.
- Stern Dieter.** Taimyr Pidgin Russian (Govorka) // *Russian Linguistics*. – 2005. – P. 289–318.
- Stern Dieter.** Taimyr-Pidgin-Russisch. Kolonialer Sprachkontakt in Nordsibirien. München et al.: Otto Sagner, 2012.
- Wei Li & Moyer Melissa (eds.).** *Blackwell Guide to Research Methods in Bilingualism and Multilingualism*. – Oxford: Blackwell, 2008.

Ханина Ольга Владимировна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник.

Институт языкознания РАН.

Б. Кисловский пер., д. 1, стр. 1, Москва, Россия, 125009.

E-mail: Olesya.khanina@gmail.com

Материал поступил в редакцию 7 сентября 2018 г.

O. V. Khanina

MULTILINGUAL PRACTICES IN THE LOWER YENISEI AREA: A SOCIOLINGUISTIC STUDY OF THE PAST

The paper analyzes indigenous multilingualism in the north-eastern part of the lower Yenisei area from the 1930s to the 1970s (Tajmyr peninsula, Siberia, Russia). The data used for this study are sociolinguistic interviews performed by the author in 2017 with children and grandchildren of those representatives of indigenous peoples of Tajmyr who were adults in the given period. Ethnolinguistic history of the area is described for the last 200 years in order to provide a general background for understanding patterns of multilingual practices, in particular all ethnic migrations are analyzed from the point of view of their reasons and their sociolinguistic consequences. Contacts between Northern Samoyedic peoples – the Tundra

Enets, the Tundra Nenets, and the Nganasans – are portrayed in details, with particular attention to language repertoires, to contexts of usage of each language, and to all attested changes to them with time. Besides, linguistic ideologies typical for the area are commented on, including their interconnection to other sociolinguistic factors involved. As a result, common local sociolinguistic patterns are posited: those that are recurrently attested in several Tajmyrian locations. First, in all cases all adults could speak the language of the ethnic majority of the area, and most adults could understand all other indigenous languages of the area; furthermore, active command of other languages could be conditioned by details of an individual's biography. Second, the main language used within a nuclear family was usually the language of the ethnic majority of the area, regardless the ethnic identity of the parents; the native language of (one of) the parents, if different from the language of the ethnic majority, was usually used for codified interactions with other adults: e.g. when receiving guests or paying visits. The methodology of this study is discussed in details with the idea of its reproducibility in other areas of Siberia.

Key words: *sociolinguistics, ethnolinguistics, history of Siberia, multilingualism, language contacts, Tajmyr, Tundra Enets, Tundra Nenets, Nganasans, methodology of fieldwork.*

References:

- Amelina Maria.** (current issue). "Bol'shoj perehod na neneckij": rekonstrukcija sociolingvističeskoj situacii v Tuxardskoj tundre (Tajmyrskij Dolgano-Nenetskij rajon) po dannym jazykovyx biografij ["The big shift to Tundra Nenets": reconstruction of the sociolinguistic situation in Tukhard tundra (Tajmyrsky Dolgano-Nenetsky district) according to language biographies] // Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology. – 2018. (in Russian)
- Di Carlo Pierpaolo, Jeff Good & Rachel Ojong Diba.** (forthcoming). Multilingualism in Rural Africa. To appear in Oxford Research Encyclopedia of Linguistics.
- Dobrushina Nina, Kozhukhar Aleksandra, Moroz George.** Gendered multilingualism in highland Daghestan: story of a loss // Journal of Multilingual and Multicultural Development. – 2018. – URL: <https://www.tandfonline.com/eprint/s4F9QHfCBBpwUiGWdtFm/full>
- Dobrushina Nina.** How to study multilingualism of the past: Investigating traditional contact situations in Daghestan // Journal of Sociolinguistics. – 2013. – Vol. 17(3). – P. 376–393.
- Dobrušina N. R.** Mnogojazyčie v Dagestane konca XIX – načala XXI veka: popytka količestvennoj ocenki [Multilingualism in Daghestan at the end of XIX – beginning of XX century: quantitative analysis] // Voprosy jazykoznanija. – 2011. – № 4. – S. 61–80. (in Russian)
- Dobzhanskaya Oksana E.** Muzyka shamanskogo obrjada kak jazykovaja Sistema [Music of shaman ceremony as a linguistic system] // Uralic-Altaic Studies. – 2009. – Vol. 1(4). – P. 31–42. (in Russian)
- Dolgix Boris O.** Kolhoz imeni Kirova Tajmyrskogo nacional'nogo okruga [Kirov collective farm named of the Tajmyr National District] // Sovetskaja etnografija. – 1949. – Vol. 4. – P. 87–93. (in Russian)
- Dolgix Boris O.** Rodovoj i plemennoj sostav Sibiri v XVII v. [Clans and tribes of Siberia in the 17th century]. – M.: Izdatel'stvo akademii nauk SSSR, 1960. (in Russian)
- Dolgix Boris O.** Mifologičeskie skazki i istoričeskie predanija èncev [Enets Myths and Historical Legends]. – M.: Izdatel'stvo AN SSSR, 1961. (in Russian)
- Dolgix Boris O.** Rodovaja ekzogamija u nganasan in èncev [Clan exogamy by Nganasan and Enets]. In Sibirskij ètnografičeskij Sbornik IV. Očerki po istorii, xozjajstvu i bytu narodov Severa [Essays on the History, Economy and Material Culture by Peoples of the North]. – M.: Izdatel'stvo akademii nauk SSSR, 1962a. – P. 197–225. (in Russian)
- Dolgix Boris O.** Bytovye rasskazy èncev [Everyday Enets Stories]. – M.: Izdatel'stvo AN SSSR, 1962b. (in Russian)
- Goodwin Charles and Duranti Alessandro.** Rethinking context: An introduction. In Alessandro Duranti and Charles Goodwin (eds.), Rethinking context: Language as an interactive phenomenon, Cambridge: CUP, 1992. – P. 1–42.
- Gusev Valentin Yu.** Istoriya govorki (russkogo tajmyrskogo pidžina) po lingvističeskim dannym [The history of Govorka (Tajmyr Russian pidgin) based on linguistic evidence] // Russkij jazyk v naučnom osveščenii. – 2013. – Vol. 1(25). – P. 135–157. (in Russian)
- Helimski Eugen.** Drevnejšie vengersko-samodijskie jazykovye paralleli (Lingvističeskaja i etnogenetičeskaja interpretacija) [The ancient Hungarian-Samoyedic parallels (Linguistic and ethnogenetic interpretation)]. – M.: Nauka, 1982. (in Russian)
- Helimski Eugene.** Nganasan // Daniel Abondolo (ed.). The Uralic languages. London and New York: Routledge, 1998.

- Holmes Janet & Hazen Kirk** (eds.). Research Methods in Sociolinguistics: A Practical Guide. Oxford: Wiley Blackwell, 2014.
- Khanina Olesya & Koryakov Yuri**. Mapping the Enets speaking people and their languages // Drude, Sebastian, Nicholas Ostler & Marielle Moser (eds.). Endangered Languages and the Land: Mapping Landscapes of Multilingualism (Proceedings of the Conference of the Foundation for Endangered Languages 22). – London, Reykjavik: EL-Publishing. 2019. – URL: <http://elpublishing.org>.
- Khanina Olesya & Meyerhoff Miriam**. A case-study in historical sociolinguistics beyond Europe: reconstructing patterns of multilingualism in a linguistic community in Siberia // Journal of Historical Sociolinguistics. – 2018. – Vol. 4(2). – P. 221–251.
- Khanina Olesya & Shluinsky Andrey**. Jadernye padeži suščestvitel'nyx v èneckom jazyke: v poiskax adekvatnogo opisanija [Core cases in Enets: a search for an appropriate description]. In: Agranat, Tatiana, et al. (eds.). Lingvističeskij bespredel – 2. [Festschrift for Ariadna Kuznecova]. – M.: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 2013. – P. 76–94. (in Russian)
- Khanina Olesya & Shluinsky Andrey**. A rare type of benefactive construction: Evidence from Enets // Linguistics. – 2014. – Vol. 52-6. – P. 1391–1431.
- Khanina Olesya & Shluinsky Andrey**. Imperativnye formy v èneckom jazyke [Enets imperative forms] // Acta Linguistica Petropolitana (Trudy Instituta lingvističeskix issledovanij RAN) XI-2. Jazykovoe raznoobrazie v Rossijskoj Federacii [Acta Linguistica Petropolitana (Transactions of the Institute for Linguistic Studies RAS) XI-2. Linguistic diversity in Russian Federation]. – 2015. – P. 610–626. (in Russian)
- Khanina Olesya & Shluinsky Andrey**. Eneckij perfekt: diskursivnye upotreblenija u èvidencial'no-admirativnogo perfekta [Enets Perfect: discourse uses of an evidential-admirative perfect] // Acta Linguistica Petropolitana (Trudy Instituta lingvističeskix issledovanij RAN) XII-2. Issledovanija po teorii grammatiki. Vypusk 7: Tipologija perfekta. [Acta Linguistics Petropolitana (Transactions of the Institute for Linguistic Studies RAS) XII-2. Studies in Grammar Theory, Issue 7: Typology of perfect.]. – 2016. – P. 425–474. (in Russian)
- Khanina Olesya, Koryakov Yuri & Shluinsky Andrey**. Enets in space and time: a case-study in linguistic geography // Finnisch-Ugrische Mitteilungen. – 2018.
- Khanina Olesya**. Vozmožnosti cifrovych tehnologij: opisanie allofonov perednih glasnyh, gortannogo smyčnogo i ob'ektnogo soglasovanija glagola v èneckom jazyke [Perspectives of digital technologies: a description of front vowel allophones, a glottal stop, and an object cross-reference in Enets] // Uralo-Altaic Studies. – 2017. – Vol. 3(26). – P. 186–207. (in Russian)
- Khanina Olesya**. (forthcoming). Enets – Russian language contact // Language contact in the territory of the former Soviet Union, ed. By Lenore Grenoble & Diana Forker. Amsterdam: Benjamins.
- Lüpke Friederike**. Uncovering Small-Scale Multilingualism // Critical Multilingualism Studies. – 2016. – Vol. (4)2. – P. 35–74.
- Patkanov Serafim K.** Statističeskie dannye, pokazyvajuščie plemennoj sostav naselenija Sibiri, jazyk i rody inorodcev [Statistic data showing tribal composition of Siberian population, language and clans of indigenous people]. Vol. II. Sankt-Peterburg, 1912. (in Russian)
- Pupynina Maria & Koryakov Yuri**. (current issue). Geografija mnogojazyčhija narodov kolymsko-alazejskoj tundry v konce XIX – nachale XX veka. [Geography of multilingualism of Kolyma-Alazey tundra in the end of the 19th – beginning of the 20th century] // Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology. – 2018. (in Russian)
- Siegl Florian**. The Sociolinguistic status quo on the Taimyr Peninsula // In Études finno-ougriennes [online]. – 2013. – Vol. 45 (Les langues finno-ougriennes aujourd'hui II). – URL: <http://efo.revues.org/2472>
- Stachowski Marek**. Lexica Dolganica / Dolganischer Wortschatz. Krakow: Nakładem Uniwersytetu Jagiellońskiego, 1993.
- Stern Dieter**. Taimyr Pidgin Russian (Govorka) // Russian Linguistics. 2005. – P. 289–318.
- Stern Dieter**. Tajmyr-Pidgin-Russisch. Kolonialer Sprachkontakt in Nordsibirien. München et al.: Otto Sagner, 2012.
- Tereščenko Natal'ja M.** Eneckij jazyk [Enets]. In Lytkin, Vasilij E., & Klara E. Majtinskaja (eds.). Jazyki narodov SSSR: Finno-ugorskie i samodijskie jazyki. [Languages of USSR: Fenno-Ugric and Samoyedic languages]. – M.: Nauka, 1966. (in Russian)
- Urmanchieva Anna**. Govorka: primer strukturno-smesčannogo jazyka [Govorka: an example of a structurally mixed language], In Arto Mustajoki, Ekaterina Protassova & Nikolai Vakhtin (eds.). Instrumentarium of linguistics: Sociolinguistic approaches to non-standard Russian (Slavica Helsingiensia 40). – Helsinki: University of Helsinki, 2010. – P. 188–209. (in Russian)
- Vasil'ev Valdimir I.** Nency i éncy Tajmyrskogo nacional'nogo okruga [The Nenets and the Enets of the Tajmyr National District]. In Preobrazovanija v xozjajstve i kul'ture i étničeskie processy u narodov Severa [Changes in economy and culture, and ethnic processes by the peoples of the North]. – M.: Nauka, 1970. – P. 108–163. (in Russian)

Vasil'ev Valdimir I. Problemy formirovaniya severno-samodijskix narodnostej [Problems of genesis of Northern Samoyedic peoples]. – M.: Nauka, 1979. (in Russian)

Vasil'ev Valdimir I. Osobennosti razvitiya ètničeskix i jazykovyx processov v ètnokontaktnyx zonax Evropejskogo Severa i Severnoj Sibiri (po materialam ètnografičeskogo obsledovanija severosamodijskix narodov: nencev, èncev i nganasan) [Peculiarities of development of ethnic and linguistic processes in ethnocontact zones of European North and Northern Siberia (based on ethnographic study of Northern Samoyedic peoples: the Nenets, the Enets, and the Nganasan)]. In Ètnokul'turnye processy u narodov Sibiri i Severa [Ethnocultural processes by peoples of Siberia and peoples of the North]. – M.: Nauka, 1985. – P. 65–93. (in Russian)

Vasil'ev Valdimir I., Simčenko Jurij B. Sovremennoe samodijskoe naselenie Tajmyra [Modern Samoyedic population of Taymyr] // Sovetskaja ètnografija. – 1963. – Vol. 3. – P. 9–20. (in Russian)

Vasil'ev Valdimir I.; Tugolukov Vladilen A. Ètnografičeskije issledovanija na Tajmyre v 1959 godu [Ethnographic research in Taymyr in 1959] // Sovetskaja ètnografija. – 1960. – Vol. 5. – P. 128–141. (in Russian)

Wei Li & Moyer Melissa (eds.). Blackwell Guide to Research Methods in Bilingualism and Multilingualism. Oxford: Blackwell, 2008.

Khanina Olesya Vladimirovna, PhD, senior research fellow.

Institute of Linguistics RAS.

B. Kislovsky Lane, 1, bld. 1, Moscow, Russia, 125009.

E-mail: Olesya.khanina@gmail.com